

ПОПРОБУЙ
ЗАСТАВИТЬ МЕНЯ,
СИНКЛЕР

18+

А Н А Т И Х А Я

Ана Тихая

Попробуй заставить меня, Синклер!

<https://litres.ru/74535602>

SelfPub; 2026

Аннотация

Три года назад Ноа Синклер — мой главный защитник и первая неразделенная любовь — уехал без единого слова. Его отъезд растоптал всё, во что я верила, и научил меня главному: тихая, ранимая Лин-Лин умерла.

На её месте появилась Линнея Уилсон. Дерзкая блондинка с пирсингом в губе, профессиональным фотоаппаратом наперевес и острым языком. Я обожаю шутить, но если кто-то пытается сыграть со мной в силу — я ставлю на место изящно, коварно и с милой улыбкой.

Когда Синклер возвращается в наш прибрежный городок на выпускной год, он рассчитывает увидеть прежнюю скромницу, готовую простить ему всё. Вот только я больше не играю по его правилам.

Одно конфликтное происшествие — и директор школы заставляет нас вместе восстанавливать старый лодочный сарай у океана. Запертые в четырёх стенах, мы ежедневно скрещаем

шпаги: Ноа пытается пробить мою броню и вернуть прошлое, а я
выставляю шипы сарказма.

Он думает, что всё ещё может диктовать мне условия.

Что ж Попробуй заставить меня, Синклер.

Содержание

Пролог	5
1	9
2	21
3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Попробуй заставить меня, Синклер!

Пролог

Ноа Синклер пах смузи из манго, солёной океанской водой и абсолютной, почти неприличной защищённостью.

Мне было десять, и я напоминала маленького напуганного ежа: вечно сбитые коленки, выцветшая панамка, натянутая до самого носа, и полное отсутствие понимания, как люди вообще находят друзей. Ноа было одиннадцать, и он уже тогда владел нашим прибрежным городком так свободно, будто это была его личная гостиная.

У него было всё: огромный белоснежный дом на первой линии, бассейн с подогревом, вечно улыбающиеся родители и миллион солнечных зайчиков в русых волосах. А у меня — только старенький фотоаппарат, подаренный дедушкой, и глупая привычка прятаться за деревьями каждый раз, когда кто-то громко смеялся.

— Эй, ты чего ревьешь? — окликнул он меня в тот день, когда местный задира выбросил мои кеды прямо в набегавшую волну. — Камеру свою хоть из воды заberi, а то намокнет!

Я не ответила. Лишь сильнее сжала в руках тяжёлый кор-

пус «Зенита» и отвернулась, шмыгая носом.

Но Синклер не умел уходить. Он просто сел рядом прямо на раскалённый песок, достал из кармана слегка помятую конфету и протянул её мне:

— Держи, она с малиной. Я Синклер. Ноа. А тебя как зовут, чудо веснушчатое?

— Линнея, — буркнула я, вытирая слезы кулаком.

— Сложно, — вынес он вердикт и белозубо улыбнулся. — Будешь Лин-Лин. И запомни: пока я рядом, никто больше не посмеет тронуть твои вещи. Поняла?

И он не соврал. С того самого дня Ноа Синклер стал моим личным щитом.

Мы провели вместе три бесконечных, залитых солнцем лета. В двенадцать мы нашли заброшенный лодочный сарай на самом краю дикого пляжа. Его деревянные стены рассохлись от соли, а крыша протекала во время штормов, но для нас это место стало настоящим замком. Мы вместе притащили туда старый продавленный диван, выуженный из гаража его отца, гирлянду на батарейках и пару деревянных ящиков вместо стола.

Сарай стал нашей крепостью. Там мы прятались от полуденного зноя, жвачкой заклеивали дыры в крыше и воровали спелые персики из сада соседней виллы. Там я училась ловить свет. Моим самым терпеливым натурщиком стал именно он: Ноа, висящий вниз головой на стропилах; Ноа, пытающийся удержать на носу песчаного краба; Ноа, который

смотрит прямо в мой объектив и тепло улыбается только мне.

Он был моим «золотым мальчиком», моим лучшим другом и первой несказанной тайной.

В четырнадцать всё впервые изменилось. Это произошло в один из августовских вечеров, когда на побережье обрушился внезапный грозовой шквал. Стена дождя барабанила по крыше сарая, а мы сидели на диване, завернувшись в одно колючее покрывало. Молнии вспыхивали за окном, освещая его профиль.

Ноа вдруг замолчал прямо посреди своей очередной глупой истории. Он повернулся ко мне, осторожно взял из моих рук тяжелый фотоаппарат и отложил его на ящик.

— Ты опять замерзла, Лин-Лин, — тихо сказал он.

Мои щеки обжег румянец. Он протянул руку и аккуратно завел мне за ухо выбившуюся прядь волос. Его пальцы были теплыми, а взгляд — непривычно серьезным, без единой тени привычного мальчишеского озорства. В этот момент между нами проскочило что-то новое, электрическое и пугающее. Мое сердце заколотилось где-то в горле.

— Я никому не позволю тебя обидеть, — шепнул он, не сводя с меня глаз. — Никогда. Слышишь?

Я смогла только кивнуть. В ту ночь я поняла, что больше никогда не смогу смотреть на него просто как на соседского мальчишку.

А через полгода, в промозглом и ветреном феврале, мне

исполнилось пятнадцать.

Я ждала его весь день. Выжигала по дереву рамку для нашего общего снимка почти всю ночь накануне, чтобы подарить ему в знак нашей дружбы. Но Ноа не пришел ни в полдень, ни вечером. Телефон молчал.

Не выдержав, я побежала к его дому уже на закате. Но окна огромной виллы Синклеров встретили меня глухой, мертвой тьмой. Заколоченные досками двери, пустая подъездная дорожка, следы шин на влажном гравии и ледяной февральский ветер, гоняющий мусор по двору.

Они уехали посреди ночи. Без предупреждений. Без прощаний. Без единого слова или записки в нашем сарае.

Я простояла у запертых ворот до самой ночи, сжимая в руках деревянную рамку, пока острые края не въелись в ладони до крови. Синклер просто исчез, забрал с собой всё моё солнце и оставил меня одну на этом пустом, продуваемом ветрами берегу.

В ту ночь маленькая, вечно верившая в чудеса Лин-Лин окончательно сломалась.

Три года — это тысячи отснятых кадров, бесконечные чашки ледяного эспresso и идеальное время для того, чтобы собрать себя заново. Из абсолютно другого материала.

Сентябрьский океанский бриз привычно путал мои выбеленные до белизны волосы. Я стояла возле школьного паркинга, опираясь на капот своего помятого «Фольксвагена», и крутила языком серебряное колечко в нижней губе. На мне были рваные джинсы, свободная кожанка, а на плече привычно висел тяжёлый «Никон».

Вокруг шумела толпа старшеклассников, предвкушающих первый день занятий. Я наблюдала за этим муравейником сквозь темные стекла очков, пока передо мной не нарисовался Мэтт Дженкинс, нападающий нашей футбольной сборной, в своей неизменной клубной куртке. За его спиной тут же образовалась пара верных «оруженосцев».

— Уилсон! — Мэтт вальяжно облокотился на крыло моей машины, пытаясь изобразить роковую ухмылку. — А ты за лето ещё больше изменилась. Слышь, может, поможешь мне с расписанием? А то я в этих кабинетах совсем запутался.

Я медленно спустила очки на кончик носа, одарив его самым сочувственным взглядом, на который была способна:

— Дженкинс, если ты запутался в трех этажах нашей школы, то у меня для тебя плохие новости. Карта кабинетов те-

бе не поможет — тут нужен минимум компас и собака-поводырь.

Толпа вокруг прыснула. Мэтт на мгновение потерял ухмылку, но быстро попытался вернуть инициативу, сделав шаг ближе:

— Да ладно тебе, Лин. Я же просто предлагаю прогуляться после уроков. Свожу тебя на пирс, прокачу. Или ты только со своей камерой обниматься умеешь?

Я окинула его взглядом с ног до головы — медленно, цепко, фиксируя каждую деталь.

— Дженкинс, милый, — я расплылась в самой милой, ангельской улыбке, от которой у знающих людей обычно бежали мурашки по коже. — Твой «прокачу» обычно заканчивается тем, что машина глохнет на полпути, потому что ты опять забыл заправиться, а потом ты час рассказываешь про свои незасчитанные тачдауны в восьмом классе. Я лучше проведу этот вечер за просмотром сохнувшей краски — там хотя бы сюжет динамичнее.

Стоявший рядом капитан защитников громко расхохотался, хлопнув Дженкинса по плечу:

— Отрезала! Мэтти, брось, она тебя в порошок сотрет! Мэтт густо покраснел до самых корней волос, не зная, куда девать руки, и буркнул что-то неопределенное, спешно отступая к своим.

Я вернула очки на место. От той девочки, которая три года назад рыдала у заколоченных ворот, не осталось даже пепла.

Я научилась защищаться задолго до того, как мне понадобились шипы. И теперь я заставляла людей смеяться там, где раньше плакала сама.

И тут по парковке пронёсся гул.

Чёрный винтажный «Мустанг» с откинутым верхом вальяжно затормозил у самых ворот. Мотор взрыкнул и затих. Из машины под восхищённые вздохи полушколы выгрузился он.

Высокий, раздавшийся в плечах, в безупречно сидящей куртке и с теми же пшеничными волосами, тронутыми выгоревшими на солнце прядями. Ноа Синклер. Настоящий коронованный принц, вернувшийся в свои владения.

Он смеялся, легко пожимая руки обступившим его парням, и выглядел так, будто никогда и не уезжал. Будто не было тех трёх лет.

Моё сердце сделало короткий, предательский кувырок, но я тут же придушила это чувство прямо в зародыше. В жилах закипела холодная, звенящая злость.

Синклер скользнул вальяжным взглядом по толпе и на секунду задержался на мне. Его тёмно-синие глаза прошлись по моим платформенным ботинкам, рваным джинсам, пирсингу и дерзкой улыбке.

И... ничего.

Ни искры узнавания. Ни тени воспоминаний. В его взгляде проскользнул лишь беглый интерес парня, оценившего симпатичную, неформальную девчонку, после чего он про-

сто отвернулся и пошёл дальше к главному входу.

Он прошёл мимо, даже не поняв, кто стоит перед ним.

Я медленно поднесла «Никон» к глазам, поймала в объектив его широкую спину и нажала на спуск. Щёлк.

— Отличный кадр, Синклер, — тихо шепнула я себе под нос, опуская камеру. — Жаль только, что памяти у тебя меньше, чем на моей старой флешке.

Первый урок был общей литературой. Я намеренно заняла самую последнюю парту у окна, закинув ноги на соседний стул и натянув наушники.

Естественно, появление Ноа вызвало в классе фурор. Девчонки с первой парты едва не выпрыгивали из блузок, а Синклер, одаривая всех своей фирменной, отработанной годами улыбкой, прошёл в конец кабинета. Свободных мест, кроме как рядом со мной, не было.

— Свободно, красотка? — раздался над ухом его бархатный, глубокий голос.

Боже, он даже интонации изменил. Стал настоящим плохим парнем с обложки.

Я медленно сняла один наушник, окинула его взглядом с ног до головы — максимально оценивающим и не скрывающим скуки — и слегка приподняла бровь:

— Вообще-то, здесь занято моим личным пространством, Синклер. Но если ты обещаешь не дышать слишком громко — можешь присесть.

Ноа на секунду опешил. Наверняка он ждал, что я рас-

плывусь в лужицу, как и остальные. В его глазах вспыхнул азарт. Он ухмыльнулся, двигая стул:

— Ого. Острый язычок. А мы знакомы? Ты так уверенно называешь мою фамилию.

Я наклонилась к нему чуть ближе, так, чтобы он мог почувствовать мой парфюм с нотами сладкой ванили и терпкого бергамота, мило улыбнулась и произнесла самым сладким из своих голосов:

— Твоё имя напечатано на школьном табло прямо у входа, «золотой мальчик». Или ты думал, что я хранила твою фотографию под подушкой?

В классе кто-то тихо прыснул. Улыбка Ноа на мгновение застыла, а в синих глазах мелькнуло искреннее замешательство.

— Уилсон, значит, — протянул он, наклоняясь чуть ближе. — А знаешь, Уилсон, у тебя чертовски красивые глаза. Особенно когда ты пытаешься изобразить из себя ледяную королеву.

— Синклер, — я повернулась к нему, опираясь подбородком на ладонь, и посмотрела на него в упор. — Твой шаблонный пикап выглядит смешно. Попробуй обновить прошивку, а то отдаёт отчаянием.

Улыбка сошла с его лица. В этот момент учитель литературы, мистер Харрис, громко постучал ручкой по столу:

— Так, тишина! Открываем учебники на сорок второй странице. Уилсон, Синклер, хватит шептаться на задней пар-

те.

Ноа озадаченно хмыкнул, но всё же отвернулся к доске. До конца урока он больше не предпринимал попыток заговорить, хотя я время от времени ловила на себе его заинтересованный, сомневающийся взгляд. Он явно пытался понять, почему эта незнакомая девчонка вызывает у него такое странное чувство дежавю, но так и не смог связать дерзкую блондинку с пирсингом и ту маленькую веснышчатую Лин.

На перемене перед кабинетом меня зажала глава студсовета, Хлоя. В её руках трепетала планшетка с бумагами, а в глазах горел фанатичный огонь школьной журналистики.

— Лин, спаси! Срочно нужен кадр для первой полосы «Школьного Вестника», — выпалила она, хватая меня за рукав кожанки. — Возвращение Синклера — главная новость месяца! Нужно пару снимков на поле. Он как раз сейчас там с мячом. Пожалуйста, ты же у нас лучший фотограф!

Я поморщилась, сжав зубы. Делать парадные портреты для местного принца входило в список моих желаний примерно на последнем месте — где-то между визитом к стоматологу и уборкой в гараже.

— Хлоя, возьми кого-нибудь другого. У меня нет никакого желания работать его персональным папарацци.

— Все остальные фотографии на выездной экскурсии! — чуть не зарыдала она. — Лин, только пару кадров, я умоляю! Я тяжело вздохнула, понимая, что отвязаться не выйдет. — Ладно. Но только пять минут. Если он начнет позиро-

вать как для журнала «GQ», я просто уйду.

Спустя десять минут я уже стояла у кромки зеленого газона. На поле Ноа чувствовал себя как рыба в воде. Он легко гонял мяч с несколькими парнями из команды, подбрасывая его на колене и заливисто смеясь. Солнце падало на его пшеничные волосы, а белоснежная футболка облегла раздавленные плечи. Типичный кадр для американского молодежного фильма.

Я вздохнула, достала «Никон» и приложила окуляр к глазу. Пальцы привычно крутанули колесико фокуса. В объективе возникло его лицо. Сквозь линзу были видны малейшие детали: капли пота на виске, яркая синева глаз и эта чертова самоуверенная ухмылка.

На секунду у меня перехватило дыхание. В этом, статном парне всё ещё проглядывали черты того тринадцатилетнего мальчишки, который когда-то учился ловить крабов в нашем сарае.

Щёлк. Щёлк.

Ноа заметил блеск линзы и застыл. Попрощавшись с парнями, он вальяжной, неторопливой походкой направился прямо ко мне, вытирая лоб краем футболки и обнажая подкачанный пресс. Несколько девчонок на трибунах тут же синхронно вздохнули.

— Опять ты, Уилсон, — хмыкнул он, останавливаясь в паре шагов и упирая руки в бока. — Неужели ледяная королева решила сделать пару кадров для своей тайной коллек-

ции?

Я опустила камеру, посмотрев на него самым скучающим взглядом, на который была способна:

— Мечтай больше, Синклер. Меня заставила Хлоя. «Вестнику» нужен кадр нашего нового капитана, чтобы статья не выглядела слишком уныло. Хотя, глядя на твои потуги с мячом, уныло будет в любом случае.

— Потуги? Уилсон, я лучший нападающий в округе, — Ноа фыркнул и усмехнулся, скрестив руки на груди. — Выключи уже свою стерву хотя бы на секунду. Ты со всеми так разговариваешь или я удостоился эксклюзивного обслуживания?

— Для тебя у меня особый тариф, «золотой мальчик», — я мило улыбнулась, сделав шаг ему навстречу. — Привыкай. Если думаешь, что вернулся сюда и все будут падать к твоим ногам, то тебя ждет неприятный сюрприз.

Он внимательно всмотрелся в мои глаза. В его взгляде снова скользнуло то самое смутное, едва уловимое замешательство, будто он пытался вспомнить мотив давно забытой песни.

— Почему у меня ощущение, что ты меня искренне ненавидишь? — тихо, без привычного напускного щегольства спросил он. — Мы ведь даже не знакомы.

Моё сердце болезненно сжалось, но я лишь сузила глаза и натянула свою самую ядовитую маску:

— Ты слишком много о себе думаешь, Синклер. Чтобы

тебя ненавидеть, мне должно быть не всё равно. А ты для меня — просто очередной кадр на флешке, который я затру вечером.

Я развернулась на каблуках и пошла прочь, чувствуя, как его тяжелый взгляд буквально жжёт мне спину.

Сумерки опускались на прибрежный городок быстро, принося с собой прохладный туман с океана. Я сидела на крыльце нашего дома, обхватив руками чашку с остывшим чаем, и смотрела, как на соседнем участке зажигаются огни. Особняк Синклеров — огромный, с бассейнами и панорамными окнами — последние три года стоял тёмным и заброшенным. Наш дом был гораздо скромнее, хоть мы и не жаловались на достаток, но контраст между нами всегда бросался в глаза.

Сегодня на первом этаже Синклеров горел свет.

На широкую подъездную дорожку из светлого камня выехал знакомый чёрный «Мустанг». Мотор глухо зарычал и смолк. Из машины выгрузился Ноа. Он выглядел уставшим после тренировки: волосы растрепались, спортивная сумка небрежно висела на одном плече.

Он направился было к парадной двери, но на полпути замер. Свет фонаря над нашей верандой ярко освещал мою фигуру на ступеньках.

Ноа медленно повернул голову. Наш взгляд встретился.

Он нахмурился, сделав пару шагов в сторону живой изгороди, разделявшей наши дворы. В его глазах читалась пол-

ная растерянность. В его голове явно не укладывалось, что та самая колючая, дерзкая блондинка из школы сидит на крыльце соседнего дома.

— Уилсон?.. — громко окликнул он, останавливаясь у границы участков. — Ты... ты что здесь делаешь?

Я медленно поднялась с деревянной ступеньки, спрятала руки в карманы кожанки и неспешно подошла к низкому заборчику:

— Живу я здесь, Синклер, — спокойно ответила я, глядя на него снизу вверх. — Как и последние десять лет.

Ноа замер, словно его ударили обухом по голове. Его взгляд метался по моему лицу. Он всматривался в линию челюсти, в форму губ, в знакомый разрез глаз — и пазл в его голове наконец-то сокрушительно сложился. Изменились волосы, появился пирсинг и черная одежда, но это была его соседка Лин.

— Боже мой... — выдохнул он, и его голос впервые за весь день потерял всю свою вальяжность. — Лин? Линнея?..

Я лишь слегка приподняла бровь:

— Рада, что к восемнадцати годам ты хотя бы научился вспоминать имена, Синклер.

— Чёрт... — Ноа запустил пятерню в свои пшеничные волосы. Он сделал шаг ближе, опершись руками о деревянную перекладину забора. — Лин, это правда ты? Ты... ты вообще на себя не похожа. Куда делись каштановые волосы? Что с тобой стало?

— Я выросла, Ноа, — мягко, но с ядовитой сталью в голосе произнесла я. — Пока тебя не было, люди имеют свойство меняться.

— Но почему ты ничего не сказала в школе? — в его синих глазах застыло искреннее недоумение. — Ты весь день надо мной издевалась! Я ведь... я правда тебя не узнал.

Я тихо усмехнулась, наклонившись к нему чуть ближе через забор:

— А с какой стати я должна была бросаться тебе на шею, Синклер? Ты уехал три года назад, даже не попрощавшись. Исчез, будто нас никогда и не существовало. А теперь возвращаешься на своем блестящем «Мустанге», корчишь из себя короля школы и думаешь, что я побегу к тебе с объяснениями?

Ноа сжал челюсти. На его скулах ходили желваки, а в синей глубине глаз вспыхнула тёмная, ответная обида.

— Ты не знаешь, почему я уехал, Лин, — твёрдо проговорил он, и в его голосе проскользнула глубокая, затаённая боль. — Всё было гораздо сложнее. Отца уволили за одну ночь, нас вывезли без права на выбор. А то, как ты поступила после...

— Мне всё равно, Синклер, — жёстко перебила я. — Прощлое осталось в прошлом. А в настоящем — мы просто одноклассники. Так что держись от меня подальше.

— Линнея, подожди! — донеслось мне вслед, но я даже не обернулась, поднявшись по ступенькам обратно на веранду

и захлопнув за собой тяжелую дверь.

Утро встретило липким океанским туманом. Я сидела на подоконнике в коридоре второго этажа, подтянув одну ногу к груди, и рассеянно перелистывала кадры на дисплее камеры.

Звук знакомых шагов я узнала до того, как увидела его обладателя. Ноа шёл по коридору в компании пары парней из футбольной команды. На нем была темная худи, капюшон накинута, а в руках — два стакана с кофе из местной кофейни. Вчерашний расслабленный лоск куда-то улетучился.

Заметив меня, он что-то на ходу бросил друзьям, и те пошли дальше, а сам Синклер затормозил прямо у моего подоконника.

Он молча протянул мне один из стаканов. На картонном ободке размашисто было написано маркером: «Ледяной королеве».

— Не пью яд из рук незнакомцев, — я даже не подняла глаз от экрана «Никона».

— Мы оба знаем, что мы не незнакомцы, Лин, — тихо, но с нажимом произнёс он. Ноа поставил стакан на подоконник рядом со мной и оперся рукой о стену, перекрывая мне обзор на коридор. — И хватит делать вид, будто я для тебя просто посторонний шум.

Я медленно опустила камеру и посмотрела на него в упор. Его синие глаза были темными, под ними залегли легкие те-

ни — явно не выпался.

— А кто ты для меня? — я мило приподняла бровь, наклоняя голову. — Друг детства, который испарился на три года? Извини, Ноа, у меня гарантийный срок на детские привязанности давно истек.

Ноа желчно усмехнулся, сделав шаг ближе. От него пахло дорогой туалетной водой, корицей и холодным туманом.

— Гарантийный срок? — переспросил он, и в его голосе звякнула опасная сталь. — А помнишь, у кого он истек первым? Ты всегда была мастером перекладывать вину, Уилсон. Сделать вид, что ничего не было, отрезать, выбросить. Тебе так проще жить в своей этой новой броне из косух, пирсинга и цинизма?

Сердце больно укололо, но я лишь сильнее сжала пальцы на корпусе камеры, натягивая привычную улыбку-щит:

— Мой мир меня вполне устраивает. В нем нет места тем, кто исчезает по щелчку пальцев. Так что заberi свой кофе, Синклер. Он горчит.

— Ты даже не даешь мне сказать, — прошипел он, подавшись вперед. Расстояние между нашими лицами сократилось до пары сантиметров. Я ощущала его теплое дыхание на своих губах. — Ты забаррикадировалась этим своим сарказмом, потому что так проще, да? Проще считать меня тварью, чем вспомнить, как всё было на самом деле!

— Я помню все, что мне нужно знать, — жестко прошептала я в ответ, не отводя взгляда. — И если ты думаешь, что

твоё возвращение хоть что-то меняет — ты идиот.

В этот момент прозвенел звонок на урок. Звук разрезал висящее между нами напряжение, как скальпель.

Ноа пару секунд смотрел на меня — с такой злой, отчаянной страстью, что у меня перехватило дыхание. Затем он резким движением забрал стакан с кофе, отступил на шаг и ровно произнес:

— Ладно, Уилсон. Играем по твоим правилам. Но не думай, что я буду просто смотреть, как ты поливаешь меня ядом.

Он развернулся и пошел по коридору, а я осталась сидеть на подоконнике, чувствуя, как бешено и рвано стучит пульс где-то в районе горла.

Урок химии у мистера Бёрна был последним в расписании, и я искренне рассчитывала отсидеть его в тишине на последнем ряду. Мечтам не сужно было сбыться: учитель безжалостно перемешал привычную рассадку.

— Уилсон и Синклер — первая стойка у окна, — сухо объявил мистер Бёрн. — Задача — провести качественную реакцию. Работаем в парах, оценки общие.

Я заставила себя дойти до стола. Ноа уже сидел там, вальяжно откинувшись на спинку стула и натягивая защитные очки.

— Надень очки, Уилсон, — тихо хмыкнул он, не глядя на меня. — А то ещё прожжёшь меня взглядом насквозь.

— Мечтай больше, Синклер, — я швырнула тетрадь на

стол и щелкнула замочком очков. — Бери реагенты и молчи. Чем быстрее закончим, тем быстрее я от тебя отдохну.

Вместо нормальной работы у нас начался полный хаос. Я пыталась сосредоточиться на инструкции, но Ноа постоянно путался под руками, задевал мои локти и подавал совсем не те колбы. Напряжение между нами буквально трещало.

— Нам нужен гидроксид натрия, а не это! — процедила я, когда он протянул мне совершенно другой флакон. — Ты вообще слушал Бёрна?

— Я пытался, но ты постоянно сопишь мне под ухо, — парировал Ноа, тянувшись к нужной баночке.

В этот момент его широкая, тёплая ладонь накрыла мои пальцы прямо на горлышке склянки. Я резко дёрнулась, и тяжёлая стеклянная палочка со звонким стуком покатилась по столешнице.

— Осторожнее, — его голос мгновенно потерял насмешливый тон, став низким и глухим. Он даже не подумал убрать руку. — Ты дергаешься от каждого моего касания. Неужели мое присутствие так на тебя влияет?

— Перестань трогать мои руки, Ноа, — выдохнула я, сузив глаза. — И хватит срывать мне урок.

— Я не срываю, Лин, — он подался ближе, блокируя меня плечом от взгляда учителя. — Ты весь день делаешь вид, что тебе всё равно. Но ты же даже пробирку нормально держать не можешь, у тебя пальцы дрожат. Кого ты пытаешься обмануть?

— Я просто пытаюсь не завалить лабораторную из-за твоих кривых рук! — рякнула я полусшепотом, вырывая свои пальцы из его хватки.

— Уилсон, Синклер! — громкий голос мистера Бёрна заставил нас обоих вздрогнуть. — Если ваш раствор не закипит в ближайшую минуту, вы оба получите по двойке за урок!

— Всё под контролем, мистер Бёрн, — откликнулся Ноа, не сводя с меня пристального, темного взгляда. — Мы просто определяемся с пропорциями.

До конца урока мы едва наскребли ответы для отчёта, действуя абсолютно наугад. Но когда прозвенел звонок и класс зашумел, Ноа наклонился к самому моему уху, пока я судорожно пихала тетрадь в сумку:

— Увидимся вечером на пляже, Лин. Посмотрим, как ты заговоришь там, где не будет Бёрна и оценок.

Вечером я заперлась в своей комнате с твёрдым намерением не переступить порог дома до самого утра. Я включила музыку, расстелила на полу снимки с последней съёмки и попыталась выкинуть из головы синие глаза, запах корицы и дурацкие нападки Синклера.

План по спасению собственной нервной системы рухнул около восьми вечера.

Внизу раздался треск дверного звонка, а через секунду на лестнице послышался стремительный цокот каблуков. Моя дверь распахнулась без предупреждения, и в комнату вихрем

ворвалась Оливия.

Оли выглядела так, будто только что сошла с обложки журнала Vogue: высокая, с точёными скулами, безупречно гладкими тёмными волосами и ровным итальянским загаром. Она сбросила на пуфик брендовую сумочку и сходу упала ко мне на кровать.

— Уилсон, ты жива! — с порога заявила она. — Я только два часа как из аэропорта. Пропустила первый день, смывала пыль дорог и умирала от жажды новостей. Рассказывай, кто умер, кто с кем переспал и почему у тебя такой вид, будто ты планируешь ограбление банка?

Я вздохнула, откладывая фотографии:

— Привет, Оли. Рада, что ты вернулась. И поверь, первый день был унылым.

— Враньё, — Оливия прищурила карие глаза, мгновенно считывая моё напряжение. — У тебя губы сжаты, а пальцы в краске. Ты нервничаешь. И я уже успела заглянуть в наш школьный чат.

Она перевернулась на живот и скрестила ноги в воздухе:

— Говорят, Синклер вернулся. И вы успели устроить представление прямо на химии.

Я сморщилась, утыкаясь лицом в подушку:

— Он просто идиот, Оли. Вернулся, корчит из себя короля и цепляется ко мне по поводу и без.

Оливия замолчала. Вся её наигранная беззаботность мгновенно испарилась. Она тихо подсела ближе и мягко кос-

нулась моего плеча:

— Лин... Ты как? Я же знаю, как тебя накрывало три года назад. Ты уверена, что справишься?

— Я в порядке, — буркнула я в подушку. — Я просто хочу отсидеться дома.

— Ну уж нет, — Оли решительно поднялась и сдёрнула с меня плед. — Сидеть в четырёх стенах и гонять в голове воспоминания — самый паршивый сценарий. На пляже у пирса сейчас собирается весь наш класс. Ты идёшь со мной.

— Оли, я не хочу его видеть...

— А ты и не будешь на него смотреть! Ты будешь рядом со мной, пить сидр и делать вид, что он для тебя — пустое место, — Оливия подошла к моему гардеробу и принялась перебирать вешалки. — Лин, ты пряталась три года. Если ты останешься дома, Синклер подумает, что ты его боишься. Ты правда хочешь подарить ему такой триумф?

Я замерла. Оли прекрасно знала, на какие кнопки нажимать: сыграть на моём упрямстве было единственным верным способом вытащить меня из раковины.

— Ладно, — процедила я, поднимаясь с пола. — Твоя взяла. Но если он подгадит мне вечер, я утоплю его в океане.

Оливия победоносно улыбнулась, доставая из шкафа мои любимые рваные джинсы и чёрный топик:

— Вот это моя Лин. Надевай это, и пойдём.

Пляж у старого пирса гудел от музыки, треска открывающихся банок и громкого смеха. Океанский туман клубился

над самой водой, смешиваясь со дымом огромного костра, вокруг которого высыпала почти вся старшая школа.

— Держи, — Оли сунула мне в руку баночку холодного сидра, ловко лавируя между компаниями на песчаном берегу. — И расправь плечи, Уилсон. Мы пришли развлекаться, а не отбывать наказание.

Я сделала быстрый глоток, чувствуя, как пузырьки слегка обжигают горло. Сквозь толпу пробивались басы из огромной колонки, и на секунду мне действительно показалось, что я смогу просто раствориться в этом вечере.

До тех пор, пока музыка не сменилась на более ритмичную трек-паузу, и сквозь шум не прорезался знакомый голос.

Ноа стоял в самом центре компании футболистов у длинного раскладного стола с выпивкой. Смеялся, откинув голову назад, держа в руках пластиковый стакан. На нем была простая серый худи с закатанными рукавами и темные джинсы. Без шквалистого школьного напряжения он выглядел чертовски привлекательно — тот самый «золотой мальчик», к которому всегда тянулись люди.

И рядом с ним, оперевшись локтем о его плечо, стоял Кай.

При виде Кая у меня внутри все привычно сжалось. Три года назад, когда Ноа исчез, Кай был первым, кто пришел ко мне с сочувствующим видом и словно между прочим обронил, что Синклер «просто перерос наш город и двинулся дальше». Кай всегда терся рядом с Ноа, играл роль преданного тени-друга, а сам втайне ловил каждый его отблеск сла-

вы.

— Смотри-ка, старая банда снова в сборе, — тихо проговорила Оли, вставая плечом к плечу со мной и отпивая из своего стакана. — Кай буквально светится от счастья, что его коронованный покровитель вернулся.

— Мне плевать на них обоих, — ответила я, хотя взгляд сам собой зафиксировался на Ноа.

Словно почувствовав мое присутствие, Ноа повернул голову. Его ухмылка мгновенно угасла. Синие глаза через весь пляж уперлись в меня — скользнули по распушенным светлым волосам, открытому топу, зацепились за серебряное колечко в губе. Напряжение между нами вспыхнуло за долю секунды, прорезав весь этот шум и суету, как высоковольтный разряд.

Кай что-то проговорил Ноа, ткнув его кулаком в плечо, но Синклер даже не повернулся к нему. Он медленно поставил свой стакан на стол и сделал первый шаг по песку в мою сторону.

— А вот и главный сценарий вечера, — вполголоса заметила Оли, слегка подтолкнув меня локтем. — Не сдавай позиции, Лин. Я рядом.

Ноа шел прямо ко мне, не сводя глаз. И в его взгляде больше не было утренней злости — там читалась глухая, опасная решимость договорить то, что мы не закончили у кабинета химии.

Шум костра и грохот басов словно отошли на задний

план, глухо затихая в тумане. Ноа остановился в двух шагах от нас. На нем был тот же темный худи, но капюшон он сбросил, и прохладный океанский ветер легко трепал его пшеничные волосы.

Оливия слегка подалась вперед, мгновенно выстраивая между мной и Синклером невидимый, но ощутимый щит:

— Привет, Синклер, — с прохладной иронией произнесла Оли, чуть приподняв свой стакан. — Вижу, за три года твой гардероб так и не обогатился яркими красками.

Ноа перевёл на неё взгляд, и его губы тронула короткая улыбка:

— Привет, Оли. Выглядишь потрясающе. Впрочем, как всегда.

— Я в курсе, — Оли прищурилась, отпивая из баночки. — Слушай, Синклер, я только из аэропорта. Надеюсь, ты не планируешь испортить мне первый нормальный вечер? Мы тут вообще-то отдыхаем.

— Я просто хочу поговорить с Лин, — Ноа снова повернулся ко мне, и его голос мгновенно потерял всю светскую лёгкость. — Наедине. Без людей и без школьной суеты.

— А я не хочу с тобой говорить, Синклер, — спокойно ответила я, сделав глоток сидра. — По-моему, я достаточно ясно выразилась ещё у забора.

Из-за спины Ноа вырос Кай. Он держал в руке бутылку пива, а на его лице застыла привычная развязная ухмылка. Он скользнул по мне оценивающим взглядом, задерживаясь

на пирсинге и рваных джинсах:

— О, Уилсон, да ладно тебе! Зачем столько драмы? Ноа только вернулся, а ты ведешь себя так, будто он тебе миллион долларов должен.

От его тошнотворного голоса у меня внутри всё сжалось. Я слишком хорошо помнила, как три года назад Кай с сочувственным видом качал головой и убеждал меня, что Ноа просто испарился, бросил всё и даже не вспомнил обо мне перед отъездом.

— Кай, забей, — сухо бросил Ноа, слегка дернув плечом и сбрасывая его руку со своего погона. — Мы сами разберемся.

— Да ладно, чувак, я просто за тебя вступаюсь, — Кай наигранно поднял ладони, но в его глазах мелькнула острая злость. — Девушка весь день строит из себя недоступную, а ты бегаешь за ней по всему пляжу.

— Заткнись, Кай, — вполголоса, но с такой угрозой произнес Ноа, что тот на секунду замер.

Я лишь тихо усмехнулась:

— Твой свита, как всегда, невероятно красноречива, Синклер. Вы отлично подходите друг другу.

— Лин, пожалуйста, — Ноа сделал шаг ближе, полностью игнорируя Кая и стоящую рядом Оливию. В его глазах отражались отбельски костра. — Пять минут. На пирсе. Если после этого ты скажешь мне уйти — я больше не подойду к тебе сам.

Оливия вопросительно посмотрела на меня, слегка сжав мой локоть — давая понять, что утянет меня отсюда в любую секунду, стоит только подать знак.

Я посмотрела на темные волны у старых деревянных свай пирса, а затем снова на Ноа. Раз и навсегда поставить точку казалось единственным способом вернуть себе покой.

— Пять минут, Синклер, — процедила я, передавая баночку Оли. — И ни секундой больше.

Дощатый настил старого пирса скрипел под ногами, отзываясь на каждый шаг. Чем дальше мы уходили от костра, тем тише становились басы, уступая место мерному гулу океана и шуршанию пены об отсыревшую древесину. Туман пах солью, мокрой водорослью и тем самым прохладным вечерним воздухом, который всегда ассоциировался у меня с осенью.

Я остановилась у самого края, обхватив себя руками за локти. Морской бриз мгновенно пробирал до костей, но показывать Ноа, что я мёрзну, я не собиралась.

Ноа встал чуть в стороне, опершись бедрами о деревянные перила и сунув руки в карманы худи. С этого ракурса его профиль казался высеченным из камня — резкий, взрослее, чем три года назад, с затаённой горчинкой у губ.

— Пять минут пошли, Синклер, — чеканя каждое слово, напомнила я, не поворачивая головы. — Начинай толкать свою оправдательную речь.

Ноа тихо, безрадостно усмехнулся:

— Ты даже не изменилась, Лин. Всё та же защита лучшим

нападением.

— А ты ждал, что я прибегу к тебе с обнимашками? — я резко повернулась к нему. — Ноа, ты просто испарился! За одну ночь. Ни звонка, ни единого слова за три года! А теперь ты возвращаешься, заходишь в школу как ни в чём не бывало и ждёшь, что я буду терпеливо выслушивать твои «всё было сложно»?

Ноа резко шагнул ко мне, сорвав руки с перил. Его синие глаза вспыхнули злым, темным огнём.

— Ни единого слова?! — прошипел он, подавшись вперед так, что между нашими лицами осталось от силы полметра. — Ты сейчас серьезно говоришь мне это, Уилсон?! Я пытаюсь! Но ты сделала всё, чтобы перечеркнуть прошлые годы за пару секунд!

— Я перечеркнула?! — от возмущения у меня перехватило дыхание. — Ты бросил меня в этом городе одну, Ноа! Ты даже не оглянулся, когда уезжал!

— Ты понятия не имеешь, через какой ад я прошел в ту ночь! — выкрикнул он, и его голос сорвался на рваный хрип. — И ты — последняя, перед кем я буду вставать на колени и вымаливать прощение!

— А я у тебя ничего и не прошу! — я ткнула пальцем ему в грудь. — Я прошу только одного: держись от меня подальше!

— С превеликим удовольствием, Уилсон!

Наше тяжелое, сбивчивое дыхание смешивалось с туманом.

ном. Никто не хотел уступать, воздух между нами буквально трещал от застарелой боли и гнева. Разговор окончательно зашел в тупик — мы просто снова раздирали старые шрамы, не слыша друг друга.

Я резко развернулась на каблуках и шагнула прочь с пирса, сжимая кулаки. Ноа не пошел за мной.

Когда я вернулась к костру, музыка гремела еще громче. Оливии поблизости не было — судя по всему, её утянули в компанию знакомых у бара. Я подошла к стойке пляжного клуба, чтобы взять воды и просто перевести дыхание.

— Эй, краля, чего одна?

Рядом со мной образовался Чэд — пьяный защитник из футбольной команды, от которого разило дешевым бурбоном. Он уперся рукой в стойку, перекрывая мне выход, и скользнул сальным взглядом по моему топу.

— Отодвинься, Чэд, — холодно процедила я, даже не глядя на него.

— Да ладно тебе, Уилсон, не строй из себя недотрогу, — он ухмыльнулся и бесцеремонно схватил меня за запястье, притягивая к себе. — Синклер от тебя сбежал, так хоть с нормальным парнем пообщаешься...

— Руки убрал, — я резко дернулась, собираясь всадить ему локоть под дых и заставить пожалеть о содеянном.

Но закончить движение я не успела.

Запястье Чэда с треском выкрутили назад. Из тумана вылетел Ноа — его лицо было белым от ярости.

— Она сказала отвалить, — глухо произнес Синклер и без лишних слов впечатал кулак Чэду прямо в челюсть.

Чэд отлетел назад, сшибая деревянную стойку пляжного клуба. Зазвенело стекло, рухнули стеллажи с алкоголем, а через секунду завязалась глухая, жестокая драка. Парни сцепились, снося на своем пути деревянные навесы и декоративные ограждения клуба.

Вокруг поднялся визг. Кто-то пытался их разнять, кто-то подливал масла в огонь. К тому моменту, когда на пляже с sireнами замаячила охрана и администрация, половина открытой террасы клуба превратилась в груды щепок и разбитого стекла.

Утром в кабинете директора атмосфера была сравнима с военным трибуналом.

Директор Картрайт скрестил пальцы на столе, переводя тяжелый взгляд с меня на Ноа. У Синклера была разбита губа и сбиты костяшки, у меня — темные круги под глазами от бессонной ночи.

— Ущерб пляжному клубу, зарегистрированному на балансе попечительского совета школы, оценивается в тысячи долларов, — выдержав паузу, произнес Картрайт. — Драка, порча имущества, подрыв репутации. В обычных обстоятельствах я бы подписал приказ об исключении обоих без права восстановления.

Я сжала зубы, готовясь к худшему.

— Но, — директор поднял указательный палец, — учитывая ваши прошлые заслуги и выпускной класс... у вас есть альтернатива. Либо в личное дело отправляется волчий билет. Либо вы оба берете на себя исправительные работы.

— Какие работы? — сухо спросил Ноа.

— Старый лодочный сарай на южном берегу, — Картрайт выдвинул из стола папку. — Школа выкупила его под новую летнюю арт-студию. Там полный хаос. Вы расчищаете его от хлама, грунтуете и полностью красите стенки до конца недели. Вдвоем. Без сторонней помощи.

...Через два часа мы стояли перед тяжелыми деревянными дверями заброшенного сарая на самом краю побережья. Здание выглядело так, будто пережило пару штормов: покосившиеся балки, запах сырости, старой краски и гниющих досок. Океан бился о сваи прямо под деревянным полом, создавая непрерывный, оглушающий гул.

Я толкнула гулкую дверь. Внутри царил полумрак, сквозь щели в крыше пробивались пыльные лучи солнца.

Ноа молча зашел следом, сгрузив на пол банки с грунтовой и кисти. Дверь за нами захлопнулась от порыва ветра, отрезая нас от всего остального мира.

— Великолепно, — тихо пробормотала я, осматривая завал из старых сетей, весел и дырявых бочек. — Провести неделю запертой с тобой в этой конуре. Мечта всей жизни.

— Заткнись и бери щетку, Уилсон, — буркнул Ноа, сбрасывая куртку и оставаясь в одной майке. — Чем быстрее разгребем этот хлам, тем быстрее перестанем видеть друг друга.

Но мы оба понимали: в этом замкнутом пространстве, под мерный шум прибоя и скребок металлических щеток, молчать всю неделю у нас точно не получится. Градус напряжения между нами уже зашкаливал.

К третьему дню нашей «ссылки» в сарае стояла такая духота, что воздух можно было резать ножом. Запах пролитого растворителя, свежей грунтовки и трухлявой древесины въелся в одежду, кожу и волосы. На улице вовсю штормило: ледяной океанский ветер с рёвом бился в щели, а тяжелые

волны с грохотом лупили прямо по сваям под нашими ногами, отчего весь деревянный настил слегка вибрировал.

Я стояла на последней ступеньке шаткой стремянки, отчаянно пытаясь закрасить пыльный угол под самым потолком. Руки немилосердно ломило от усталости, а затылок затек так, что каждый наклон головы отзывался тупой болью.

— Упадёшь ведь, Уилсон, — не поворачивая головы, бросил Ноа.

Он на другом конце сарая сдирал металлическим скребком остатки старой краски с массивной балки. На нём была только серая, уже перемазанная белилами майка; мышцы на спине натягивались при каждом движении, а рельефные плечи блестели от пота.

— Без твоих ценных указаний обойдусь, Синклер, — прощедила я через зубы, тянясь кистью ещё выше. — Занимайся своей стеной.

— Ты с утра на ногах и едва кисть держишь. Слезай, я докрашу.

— Я сказала, сама справлюсь!

Естественно, стремянка подо мной тут же предательски качнулась. Одно из деревянных креплений треснуло, нога соскользнула с влажной от краски перекладины, и я потеряла равновесие. Выронив банку, я коротко вскрикнула, готовясь к жёсткому приземлению на пыльные доски.

Но удара не последовало. Ноа оказался рядом за какую-то долю секунды.

Его сильные руки подхватили меня за талию, буквально снимая со стремянки и прижимая к себе. Банка с грохотом врезалась в деревянный пол у наших ног, заливая мои и его кеды плотной белой лужей.

Мы застыли.

Моя спина упёрлась в его грудь, ощущая, как бешено и часто колотится его сердце. В узком пространстве между нами мгновенно стало слишком мало воздуха. Запах его парфюма — смесь морской соли, чёрного перца и чего-то чисто его, знакомого до боли, — мгновенно перекрыл вязкую химию сарая.

— Ты всегда была невыносимо упрямой, — тихо, прямо мне в затылок произнёс Ноа. Его дыхание обжгло кожу на шее.

Я резко развернулась в его руках, упираясь ладонями ему в грудь. Ноа не отступил. Наоборот, его хватка на моей талии чуть сжалась, удерживая меня на месте.

— Пусти, Синклер, — выдохнула я, пытаюсь звучать холодно и отстранённо, но голос предательски дрогнул.

— А то что? — его синие глаза были совсем близко, тёмные от усталости и невысказанных слов. — Снова сбежишь? Как делаешь последние три дня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.